

МОДНОЕ ЧТЕНИЕ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«МОДНОЕ ЧТЕНИЕ.
ПРОЗА АННЫ ТОДД»

После

После ссоры

После падения

После – долго
и счастливо

До того как

•

РОМАНЫ
О ЛЭНДОНЕ

Ничего больше

Никак не меньше

Э С Т Е Л Ь
МАСКЕ ЙМ

*Я говорил, что
люблю тебя?*

Москва
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М31

Estelle Maskame
DID I MENTION I LOVE YOU?
(Dimily trilogy, Book 1)
Copyright © 2015 by Estelle Maskame

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Н. Крутовой*

Художественное оформление *П. Петрова*

Фото автора на 4-й стороне переплета — © Alison Miller

Маскейм, Эстель.

М31 Я говорил, что люблю тебя? : [роман] / Эстель Маскейм ;
[пер. с англ. Н. М. Крутовой]. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 448 с.

ISBN 978-5-04-088915-0

Как быть, если ты постоянно оказываешься рядом с человеком, в котором ненавидишь до дрожи в коленях абсолютно все: его скверный характер, дерзкие манеры, слишком яркие зеленые глаза? Как быть, если через какое-то время ты начинаешь чувствовать к нему притяжение? Как быть, если понимаешь: это чувство запретное и вам никогда не быть вместе? И что победит — любовь или правила?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-088915-0

© Крутова Н., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Эта книга с самой первой буквы
посвящается моим читателям.
Потому что она не моя — она наша*

Все книги и фильмы убеждали меня, что Лос-Анджелес — потрясающий город, с потрясающими людьми и с потрясающими пляжами. Поэтому я, как и любая девчонка на планете, мечтала побывать в «Золотом штате». Я так и представляла себе, как однажды пробегусь по белоснежному песку Венис-бич, как прикоснусь к мемориальным звездам любимых артистов на «Аллее славы», как поднимусь на Голливудский холм и, встав над надписью «Hollywood», с чарующей высоты окину взглядом прекрасный город.

Это лишь малая толика того, что я — начинающий турист — себе наметила.

Не вынимая из уха наушник — музыка мне ничуть не мешала, — я сосредоточилась на багажной ленте. Пассажиры окружили ее плотным кольцом, и я едва нашла маленький просвет, чтобы сквозь толпу пробиться поближе. Вокруг толкались, то и дело слышалось: «Вон тот — наш! Снимай быстрее!» — «Да это же чужой!» Пробежавшись глазами по ленте, яхватила взглядом чемодан цвета хаки с накорябанной сбоку надписью — строчкой из песни, и, дождавшись, когда он со мной поравняется, за ручку стащила чемодан с транспортера.

— Я здесь! — донесся знакомый голос. У отца очень колоритный бас; хотя его и приглушала звучащая в на-

ушниках музыка, не среагировать на этот бас практически невозможно. Да и в любом случае я узнала бы его голос — слишком болезненно он во мне отзывался.

Когда мама осторожно сказала, что отец хочет взять меня к себе на каникулы, мы с ней только посмеялись — ничего более идиотского я в жизни не слышала!

— Даже не приближайся к нему! — каждый день твердила мама. Целых три года от отца не было ни слуху ни духу, а тут на тебе, объявился! И нет бы начать с малого: звонить время от времени, интересоваться моими проблемами... он сразу взял быка за рога — ждет меня к себе в гости! Мама была категорически против. Она считала, что такого подарка отец не заслужил. Говорила, что невозможно повернуть время вспять. Но отец не сдавался, настойчиво убеждая меня, что нет места лучше Южной Калифорнии. Какая муха его вдруг укусила — ума не приложу. Скорее всего, он решил вернуть мое расположение, которого лишился, когда нас бросил.

Неожиданно для самой себя я в конце концов уступила и, позвонив отцу, объявила, что приеду. Только не подумайте, что я пожалела отца — он тут вообще ни при чем. Просто захотелось в жаркое лето на модный пляж, а еще — влюбиться в мускулистого загорелого парня: какого-нибудь манекенщика из Abercrombie & Fitch. Кроме того, у меня были еще и личные причины сместиться на полторы тысячи километров южнее Портленда.

Понятно, что я не особо горела желанием увидеться с приближающимся ко мне человеком.

За три года многое изменилось: я стала почти на треть выше, у отца в волосах появились седые пряди, а

главное, три года назад нам не было так неловко друг с другом.

Чтобы как-то замаскировать негативные чувства, я старалась улыбаться. Улыбка всегда помогает избежать лишних вопросов.

— Ого, какая ты стала! Нет слов! — покачивая головой, произнес отец, будто не в силах поверить в то, что я изменилась с тринадцати лет. Тоже мне, открытие! Он что, ждал, что в шестнадцать я буду выглядеть так же, как и несколько лет назад, когда он в последний раз меня видел?

— Ну да, — согласилась я и, потянувшись к уху, вытащила наушник. Провода закачались в руке, слух уловил слабые отголоски продолжающей звучать музыки.

— Иден, как же я по тебе соскучился! — признался отец. Наверное, в этот момент я должна была растаять от счастья — отец, который меня бросил, оказывается, соскучился! — и, кинувшись в радостной эйфории ему на шею, немедленно простить его раз и навсегда. Ну уж нет! Не дождется! Мое прощение надо еще заслужить!

Впрочем, если я собираюсь жить у него целых два месяца, стоит все-таки быть с ним поласковой.

— Я тоже соскучилась, — смягчилась я.

Лицо отца просветлело, от улыбки на щеках выступили круглые ямочки — у меня они почему-то всегда ассоциировались с норками, которые пробуравливают в земле крот.

— Давай сюда. — Отец взял у меня из рук чемодан и, выдвинув ручку, поставил его на колесики.

Мы направились к выходу из Международного аэропорта Лос-Анджелеса. Всю дорогу я пытливо ози-

ралась по сторонам, надеясь, что где-нибудь мелькнет кинозвезда или модель, но никого так и не высмотрела.

На улице в лицо сразу же ударил теплый воздух. Пока мы шли по просторной автостоянке, солнце пощипывало кожу, легкий ветер развеивал волосы. Хотя по практически ясному небу все-таки плыло несколько облаков.

— Я думала, здесь гораздо жарче, — заметила я, раздосадованная тем, что, вопреки расхожему мнению, в Калифорнии все-таки бывают и ветры, и облака, и дожди. Я даже представить себе не могла, что в унылом Портленде летом иногда теплее, чем в Лос-Анджелесе. Вот это да! Каким бы дурацким Орегон ни был, я, будь моя воля, сейчас с удовольствием вернулась бы домой.

— А по-моему, довольно жарко, — ответил отец и виновато пожал плечами, словно оправдываясь за погоду. Наблюдая за ним исподтишка, я отметила, что он, вымучивая из себя слова, начинает потихоньку злиться. Разговор никак не клеился.

Мы остановились около черного «лексуса», и отец поставил чемодан. В нерешительности я уставилась на блестящую поверхность автомобиля. До развода они с мамой ездили на подержанном «вольво», который ломался минимум раз в месяц, да и то если повезет. Отец наверняка сейчас гораздо больше зарабатывает, но, думаю, уже тогда он сознательно на нас не тратился. Не заслужили...

— Садись, открыто, — кивнув на «лексус», сказал отец, поднял багажник и засунул туда чемодан.

Я обошла машину справа, сняла рюкзак, потянула на себя ручку двери и нырнула внутрь. Кожаная обивка сиденья обожгла голые ляжки. Какое-то время я

молча ждала, пока отец устроится на своем месте. Он завел двигатель и, выруливая со стоянки, в очередной раз попытался вовлечь меня в беседу:

— Ну, рассказывай, как долетела?

— Хорошо. — Пристегнувшись, я тупо уставилась перед собой. В лобовое стекло било солнце, поэтому пришлось достать из лежащего на коленях рюкзака темные очки. Надев их, я глубоко вздохнула.

Отец набрал в легкие воздуха и, произвольно сглотнув от волнения, спросил:

— А как мама?

— Блестяще, — задорно ответила я — уж очень мне хотелось, чтобы отец не думал, будто на нем свет клином сошелся. Вообще-то у мамы все нормально. Может, и не блестяще, но и не плохо. Все эти годы она пытается себя убедить, что обрела бесценный опыт. Считает, что развод прибавил ей как оптимизма, так и мозгов, однако, по-моему, развод принес ей только ненависть к мужчинам. — Лучше всех!

Отец кивнул и тверже взялся за руль, потому что мы свернули из аэропорта на бульвар: многополосную трассу с интенсивным движением. Машины ехали довольно быстро, словно состязаясь, кто кого перегонит. Вокруг простиралось открытое пространство: ни тебе узких, вздымающихся ввысь небоскребов, как в Нью-Йорке, ни окаймляющих дорогу деревьев, как в моем родном Портленде. Из всего, что я видела, глаз порадовали только пальмы — я наконец убедилась, что они действительно существуют. Где-то в глубине души у меня всегда таились сомнения, не вымысел ли они.

Впереди над каждой полосой появились таблички, указывающие на близлежащие районы и города. Но мы мчались с такой скоростью, что я не успела толком

ничего прочесть. Молчание затягивалось. Отец прокашлялся и снова попытался завязать разговор.

— Тебе обязательно понравится Санта-Моника. — Он улыбнулся. — Удивительный город!

— Да, я кое-что о нем почитала, — ответила я. Пока что Лос-Анджелес не казался мне таким уж фееричным, как на фотках в интернете. — Это ведь в Санта-Монике тот навороченный пирс?

— Ага. Пасифик-парк. — На безымянном пальце отца в солнечном луче блеснуло обручальное кольцо. Я вздохнула. Отец уловил этот вздох. — Элла ждет не дождется, чтобы с тобой познакомиться, — сказал он.

— Я тоже, — ответила я, что было абсолютным враньем.

Как я недавно узнала от отца, Элла — его новая жена. Та, на кого он променял маму. Понять бы еще, чем эта Элла лучше? Что в ней такого особенного, чего не хватало маме? Чище моет посуду? Вкуснее готовит мясной рулет?

— Надеюсь, вы поладите, — прервав гнетущую паузу, сказал отец. Он перестроился в крайнюю правую полосу. — Очень надеюсь.

Можешь надеяться, сколько тебе влезет! Меня от одной мысли о смешанной семье уже коробит. Зачем мне еще какая-то мачеха? Я хочу только полную и только настоящую семью: из мамы, папы и меня. Без всяких довесков. Не надо мне никаких перемен.

— А не напомнишь, сколько там у нее детишек? — с вызовом спросила я. Меня ведь осчастливили не только чудесной мачехой, но и несколькими сводными братьями.

— Трое, — спокойно ответил отец, пропустив выпад мимо ушей. Хотя его все больше и больше раздражала

моя откровенная враждебность. — Тайлер, Джейми и Чейз.

— Ясно... А возраст?

— Тайлеру недавно исполнилось семнадцать, Джейми — четырнадцать, а Чейзу — одиннадцать. — За разговором отец едва не проскочил знак «Стоп». Он сбросил скорость и с мольбой скосил на меня ореховые глаза: — Доченька, постарайся с ними подружиться.

— Такие большие? — искренне удивилась я. На самом деле я ожидала, что придется возиться с малышкой, которая и двух слов-то толком связать не может. — Ну, это еще куда ни шло.

Спустя полчаса мы выехали на извилистую дорогу — видимо, на окраину города. По обочинам тянулись аллеи с высокими деревьями, чьи толстые стволы и искривленные ветви надежно укрывали от палящего солнца. Особняки здесь выглядели гораздо солиднее, чем наш с мамой маленький домик, и все были абсолютно разными: каждый спроектирован и украшен по-своему. Они отличались и по форме, и по размеру, и по цвету. «Лексус» остановился у дома из белого камня.

— Ты живешь здесь? — Дидре-авеню выглядела совершенно обиденно, ни за что не сказала бы, что это Лос-Анджелес, скорей уж какая-нибудь Северная Каролина. Лос-Анджелес представлялся мне ослепительным, неземным, фееричным, но он пока не очень-то соответствовал моим представлениям.

Отец кивнул, заглушил двигатель и поднял солнцезащитный козырек.

— Видишь окно на втором этаже? — Он указал прямо в центр дома.

— Да, а что?

— Это твоя комната.

— Ого! — Вот уж никак не ожидала, что мне выделят собственную комнату, на два-то месяца! Впрочем, дом большой, а значит, места предостаточно. Вообще-то, приятно, что не придется спать на надувном матрасе посреди гостиной. — Спасибо, пап!

Попытавшись встать, я ощутила, что шорты имеют как плюсы, так и минусы. Плюс — ногам в шортах было не жарко. Минус — голые ляжки прилипли к кожаной обивке сиденья. Поэтому я немного замешкалась, прежде чем смогла выйти из машины.

Отец подошел к багажнику, достал чемодан, поставил его на тротуар и выдвинул ручку.

— Идем, — сказал он и покатил чемодан за собой.

Перешагнув через широкую линию парковочной разметки, я поплелась за отцом по вымощенной камнем дорожке. Дорожка вела к парадной филенчатой двери из красного дерева — ну прямо как в домах богатей. Я шла и, опустив голову, гипнотизировала свои «конверсы», чтобы, улучив момент, пробежаться глазами по их белому резиновому боку: там так же, как и на чемодане, черным маркером были накорябаны слова из песни. Это помогло мне немного успокоиться, правда, ненадолго — пока мы не приблизились к двери.

Сам дом — хоть от него и веяло консьюмеризмом — мне понравился. В отличие от дома, где я проснулась сегодня утром, этот вполне сошел бы за пятизвездочный отель. На парковочной аллее стоял белый «ренджровер». «Эффектно!» — подумала я.

— Волнуешься? — остановившись у двери, спросил отец и ободряюще мне улыбнулся.

— Есть немного, — призналась я. Ведь как ни гнала я от себя дурные мысли, внутри все равно что-то екало. А что, если я им буду как кость в горле?

— Да ладно тебе! — Отец открыл дверь. Мы вошли. Колесики чемодана заскрежетали по деревянному полу.

Прямо с порога в нос ударил крепкий запах лаванды. Впереди по коридору располагалась лестница, ведущая на второй этаж. Справа, как я могла судить по щелке в приоткрытой двери, гостиная. А дальше, за лестницей, был большой арочный проход на кухню. Оттуда навстречу нам вышла женщина.

— Иден! — воскликнула она и заключила меня в объятия, чему, правда, немного мешала ее огромная грудь. Потом женщина чуть отстранилась и открыто стала меня разглядывать. Я не осталась в долгу и последовала ее примеру. Элла оказалась стройной блондинкой. Глупо конечно, но почему-то я ожидала, что она будет похожа на маму. Безусловно, вкус отца поменялся не только в отношении жизненных стандартов, но и в отношении слабого пола. — Как я рада, что мы наконец-то встретились!

Я немного отступила назад, всеми силами борясь с искушением закатить глаза или скорчить кислую мину, потому что ни секунды не сомневалась: стоит выказать неуважение — и отец тут же отвезет меня обратно в аэропорт. Пришлось всего-навсего сдержанно поздороваться.

— Здравствуйте, — сказала я.

— Господи, у тебя глаза точь-в-точь как у Дейва! — выдала Элла.